

IX.

И пушникъ усталый на Бога ропшаль:
Онъ жаждой шомился и шѣни алкалъ.
Въ пусшынѣ блуждая при дня и шри ночи,
И зноемъ и пылью шягчимыя очи
Съ шоской безнадежной водиль онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видишъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пусшынной онъ бѣгъ успремиль,
И жадно холодной спруей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснуль онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ пропекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспалъ пробужденья для пушника часъ ;
 Встаешь онъ и слышишъ невѣдомый гласъ :
 « Давно ли въ пустынѣ заснуль ты глубоко ? »
 И онъ отвѣчаешь : ужъ солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера ;
 Съ упра я глубоко проспалъ до упра.

Но голосъ : « о пушникъ , ты долѣе спаль ;
 Взгляни : легъ ты молодъ , а спарцемъ возсталъ ;
 Ужъ пальма исплѣла , а кладязь холодной ,
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной ,
 Давно занесенный песками степей ;
 И кости бѣлѣють ослицы твоей . »

И горемъ обягтый мгновенный спарикъ ,
 Рыдал , дрожащей главою поникъ
 И чудо въ пустынѣ тогда совершилось :
 Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
 Вновь зыблешся пальма шѣнисстой главой ;
 Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой .

И вепхія кости ослицы вспахаютъ,
И пѣломъ одѣлись, и ревъ издають;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые воспоминанія наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далъ пускающей въ путь.